



ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Павел Усанов

Американская революция:
первые шаги модернизации
США (1775–1861)

Препринт М-70/19

**Центр исследований
модернизации**



Санкт-Петербург
2019

УДК 334.021:35
ББК 66.2(0)´6; 66.3
У 74

У 74 **Усанов П.**

Американская революция: первые шаги модернизации США (1775–1861) / Павел Усанов : Препринт М-70/19. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. — 44 с. — (Серия препринтов; М-70/19; Центр исследований модернизации).

В препринте исследованы причины Американской революции (1775–1783 гг.) и ее последствия для развития экономики и политической системы США вплоть до Гражданской войны (1861–1865 гг.). Обозначенный период является наиболее важным в истории американской модернизации. Темпы экономического роста были наибольшими именно в этот период истории США. В работе исследованы институты, которые этому способствовали.

Как успехи, так и неудачи в дальнейшей истории США связаны с периодом формирования американских институтов, когда шли споры о Конституции и Билле о правах, полномочиях федерального правительства, федерализме, налогах, центральном банке и протекционизме. Споры Т. Джефферсона и А. Гамильтона о границах государственного вмешательства заложили основы для дальнейшего развития общественно-экономической мысли и политики США. В препринте также исследованы причины Гражданской войны в США.

Информация об авторе: Усанов Павел Валерьевич — канд. эконом. наук, доцент факультета международных отношений и политических исследований СЗИУ РАНХиГС, научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге, директор Института Хайека; e-mail: usanovpv@mail.ru.

Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотъемлемыми правами, к числу которых относится право на жизнь, свободу и стремление к счастью.

Томас Джефферсон [Американские федералисты 1990, с. 273]

Только поняв суть Америки, ее можно по-настоящему полюбить. Полюбить не за ее небоскребы, автомобили, самолеты, дороги, магазины, музыку, кинофильмы — короче, за ее богатство и культуру, но за те права и свободы, от посягательства на которые защищают Конституция и Билль о правах. Защищают, заметьте, от своего же собственного правительства.

Борис Палант [Палант 2019, с. 9]

Неизвестной цивилизации, которая вырастает в Америке.

Фридрих Хайек [Хайек 2018, с. 8]

Однажды Джон Кеннеди (1917–1963) на встрече с нобелевскими лауреатами в Белом доме сказал, что «никогда еще в Белом доме не собиралось столько талантов и знаний, кроме разве тех случаев, когда Томас Джефферсон (1743–1826) обедал здесь в одиночестве» [Ефимов 2015, с. 314]. Отцы-основатели США, к которым по праву относится Джефферсон, заложили основы американской цивилизации. Джефферсон, третий президент США и автор Декларации независимости 1776 г., был сторонником индивидуальной свободы и индивидуальной ответственно-

сти, с недоверием относясь к любой власти¹. Именно эти добродетели сослужили хорошую службу американскому народу.

Американская революция — самая удачная революция в истории человечества. Эта революция явно своих детей не пожрала [Малиа 2015, с. 190]. Тринадцать колоний (Нью-Гэмпшир, Массачусетс-Бэй, Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания, Делавэр, Мэриленд, Виргиния, Северная Каролина, Южная Каролина, Джорджия), занимающих небольшую территорию на восточном побережье Северной Америки (примерно 10 % территории современных США и меньше 1 % современного населения²), образовали новое общество, которому удалось продемонстрировать небывалые темпы экономического развития и модернизации. Американская революция не только создала США, но и сформировала современный мир. Как говорил Томас Пейн (1737–1809): «Дело Америки в значительной мере является делом всего человечества». Если Великобритания одно время была образцом для подражания, то позже наступили времена, когда таким образцом стали США.

Кроме того, это была либертарианская революция. Идеи радикальных либертарианцев Джона Локка (1632–1704) и Томаса Пейна были направлены не просто против тирании английской короны, но против любой тирании. Отцы-основатели США являлись не только теоретиками либертарианства и *Laissez Faire*, но и людьми, которые смогли на практике реализовать свои принципы.

¹ Вот некоторые принципы политической философии Т. Джефферсона: «Лучшее правительство — это то, что правит меньше всего» [Голдберг 2012, с. 101], «Меньшинство обладает равными правами [с большинством]» [Джефферсон 2015, с. 92], «Человек способен на самоуправление» [там же, с. 94], «Тем крепче республика, чем больше она основывается не на завоевании, а на договоре» [там же, с. 95], «Чтобы сохранить независимость народа, мы не должны позволять тем, кто нами правит, ввергать нас в вечные долги» [там же, с. 98], «Доллар — это единица или монета известная и наиболее привычная. Он принят уже везде от Севера до Юга, он уже стал нашей валютой, так что у нас есть счастливая возможность использовать уже находящуюся в обороте денежную единицу» [Laughlin 1901, p. 11]. Ср. последнее высказывание с конструктивистскими и интервенционистскими взглядами Александра Гамильтона (1755–1804). В 1793 г. Конгресс постановил, что все циркулирующие в США монеты являются узаконенным средством платежа. Это было логично, потому что даже в 1800 г. 80 % монет, имевших хождение в США, были иностранной чеканки [Ротбард 2016, с. 66].

² В 1770 г. около 150 тыс. индейцев жили к востоку от Миссисипи. Но они все еще оставались охотниками-собираателями [Малиа 2015, с. 192].

Не случайно Американская революция: 1) оказалась успешной, 2) была либертарианской, 3) породила множество подражаний.

Почему же произошла Американская революция? Что привело к победе колонистов? Какое общество они мечтали создать и какое создали? Что не получилось у Отцов-основателей? Все эти вопросы в конечном итоге связаны с вопросом об *истоках американской модернизации*.

Причины Американской революции

Американская революция разрушает все шаблоны. Принято считать, что революции совершаются, «когда либо верхи не хотят, либо низы не могут», когда в стране наступает затяжной экономический кризис, появляются новые жестокие притеснения либо происходит поражение в войне. Ничего этого не было в случае Американской революции³. Англичане совместно с американцами победили в Семилетней войне французов, экономика быстро развивалась, доходы американцев были выше, чем во всех остальных английских колониях, налоги были низкими (в четыре раза меньше, чем в метрополии)⁴, американцы пользовались свободами, гарантированными английским правом, торговые связи были как никогда тесными. Даже в элитах не было раскола до начала самой революции. Несомненно, успеху колонистов способствовали решитель-

³ Есть, правда, скептики, полагающие, что никакой революции на самом деле не было. «Утверждение, что в Америке произошла антиколониальная революция, прекрасно с точки зрения пропаганды, но неубедительно с позиции исторической и социологической науки» [Мур 2016, с. 111]. Автор обосновывает этот тезис тем, что классовая структура общества не изменилась. Американская революция — действительно странное явление с точки зрения сторонника классового подхода. Однако революции не всегда меняют классовую структуру общества, да и классовая структура меняется не всегда в процессе революции. Тем не менее Американская революция была не только сменой политических элит, но и созданием новых правил игры. Зафиксированные изменения имеют огромное значение: это Конституция и Билль о правах.

⁴ «В Америке эскалация событий выражалась в серии протестов против налогов, кстати, не таких уж высоких (налоговое бремя здесь в четыре раза уступало британскому). Наконец, американский мятеж вспыхнул в провинциях с более высоким доходом на душу населения, чем в любой стране Старого Света, что резко снижало тягу к социальным переменам» [Малиа 2015, с. 190].

ность, терпение и территориальная удаленность от метрополии. Но это было недостаточно⁵.

Колонисты в значительной мере представляли собой «коммерческое общество», как окрестил его Адам Смит (1723–1790) в 1776 г. [Малиа 2015, с. 196]. То есть они обладали необходимыми экономическими свободами.

Новую Англию основала торговая компания с королевской хартией — «Компания Массачусетского залива», превратив управлявший ею совет акционеров в провинциальную ассамблею, которая сама выбирала представителей исполнительной власти [там же, с. 198].

Избирательное право, конечно, основывалось на имущественном цензе, но даже в таких аристократических колониях, как Виргиния и Нью-Йорк, ценз был сравнительно низок, во всяком случае ниже, чем в Британии, а большинство взрослого мужского населения почти повсеместно обладало собственностью [там же, с. 198].

Жители колоний гордились своими английскими корнями, были патриотами Англии и желали быть подданными английского короля. Во время войны за независимость, правда, лоялистов оказалось уже лишь 20 %. Англичане шли навстречу колонистам и отменили все пошлины, кроме пошлин на чай. И вот именно пошлины на чай формально стали

⁵ Большую часть XX в. особой популярностью пользовалось экономическое объяснение Американской революции.

Артур Шлезингер-старший заявил в 1918 г., что Американская революция бо-ролась не за конституционные принципы, как уверяют национальные ортодоксы, а за экономические интересы: торговцы побережья выступали против колониальной коммерческой системы Британии [Малиа 2015, с. 195].

Наиболее сенсационное заявление в духе новой ортодоксии прозвучало, правда, несколько раньше, в 1913 г., в «Экономической интерпретации Конституции Соединенных Штатов» Чарльза Берда. В этом труде, который пользовался огромным влиянием, Берд фактически разоблачал Конституционный конвент, видя в нем заговор бизнесменов-консерваторов с целью выхолостить наследие 1776 г., своего рода циничный термидор, а не торжество революционных принципов, как вообразали ортодоксы. Он пытался, в частности, показать, что творцы Конституции являлись не столько землевладельцами, сколько инвесторами, вкладывавшими средства в мануфактуры, торговлю и особенно в государственные ценные бумаги, а следовательно, много выигрывали от установления сильной федеральной власти. Книга повлекла за собой бесконечную полемику и дотошное изучение фактов, приводимых автором. В результате утверждение о ценных бумагах было опровергнуто, однако весьма значительная роль экономических интересов в революционной борьбе подтвердилась [там же, с. 195].

началом революции⁶. «Бостонское чаепитие» вызвало неожиданную реакцию с каждой стороны. И еще недавно единый народ раскололся на две части в ожесточенной борьбе.

При этом успех колонистам вовсе не был гарантирован. Они рисковали своими жизнями. Им противостояла самая мощная в военном и промышленном отношении империя, с самым большим флотом и огромными материальными ресурсами. У колонистов не было профессиональной армии. Во время войны даже Томас Пейн был иногда в отчаянии от происходящего.

Колонисты населяли только окраину континента. К 1776 г. их насчитывалось 2,5 млн человек, то есть примерно четверть населения самой Великобритании; 500 тыс. из них были чернокожими рабами. Крупнейший город в колониях, Филадельфия, имел 40 тыс. жителей (Нью-Йорк — всего 25 тыс.), тогда как Лондон уже достиг миллионной отметки [там же, с. 196].

Почему же произошла Американская революция? Что ей предшествовало?

Как отмечал Уинстон Черчилль (1874–1965) в своем фундаментальном четырехтомнике «История англоязычных народов»: «Американские колонии спокойно и уверенно росли последние сто пятьдесят лет. Всю первую половину XVII в. англичане переселялись на американский континент. С юридической точки зрения колонии, в которых они оседали, являлись территориями, заселенными на основе королевской хартии, но вмешательство в их дела было небольшим, и *очень скоро они научились самоуправлению*» [Черчилль 2012, с. 148].

Тринадцать колоний Англии, возникшие на атлантическом побережье Северной Америки в XVII в., пользовались большей самостоятельностью в делах внутреннего управления. Каждая из них имела свой выход к морю, собственное правительство и законодательное собрание. Однако метрополия запрещала им торговать между собой некоторыми товарами и препятствовала торговым связям с другими европейскими странами [Кавтарадзе 2005, с. 149].

⁶ «Никогда в истории, — сказал один американский тори, — не было еще такого бунта по столь “малому поводу”». Другой писал, что это «самый беспричинный и неестественный мятеж из всех когда-либо случавшихся»: «Анналы ни одной из стран не смогут представить пример восстания столь ожесточенного, гнева и безумия столь безудержного, вызванных столь тривиальными причинами, на которые ссылались эти несчастные люди» [Малиа 2015, с. 191].

Навигационный акт 1651 г., который, кстати, поддерживал Адам Смит, закрепил это положение. На рынки колоний товары поступали только из Англии, а произведенные в них товары могли продаваться лишь в метрополии. Монопольное положение позволяло метрополии получать товары по более низким ценам и продавать свои по более высоким [там же, с. 150].

Торговую монополию Англии усиливали запреты на создание в колониях производств, которые могли бы составить конкуренцию английским товарам на колониальном рынке. В 1750 г. «железный закон» вводил запрет на строительство в колониях железоделательных заводов. Запрету подвергалось производство подков, гвоздей, тонкого сукна [там же, с. 150].

Движение против метрополии началось в колониях после завершения Семилетней войны. Совместными усилиями колонистов и английского флота удалось вытеснить Францию из ее владений в Канаде. По условиям Парижского мира 1763 г. Канада отошла к Англии, но одновременно с этим правительство Англии запретило колонистам заселение территорий к западу от Аппалачских гор. Правда, славная победа 1763 г. оставила после себя огромный долг размером более 122 млн фунтов, выплата которого требовала свыше 4 млн фунтов ежегодно [Малия 2015, с. 200].

В глазах колонистов победа была совместной, и они начали требовать представительство в английском парламенте. Вместо этого Англия стала притеснять колонии новыми налогами и ограничениями [Кавтардзе 2005, с. 150].

К примеру, в 1765 г. был издан закон о гербовом сборе, который обязывал колонистов платить пошлину с каждой сделки, оформленной нотариально. Так Англия хотела пополнить бюджет, опустошенный во время войны. Этот сбор вызвал волну протестов и через год был отменен [там же, с. 150].

Протесты заставили англичан в 1770 г. отказаться от пошлин на ввоз в колонии всех товаров — остались только пошлины на чай. Именно они стали поводом для знаменитого «Бостонского чаепития» 16 декабря 1773 г. [там же, с. 151].

Реакция англичан была мгновенной⁷. Парламент принял закон о закрытии порта Бостона до тех пор, пока не будут возмещены потери Ост-Индской компании.

⁷ Видимо, ошибки короля Георга III его политики — все же больше следствие неумелости, чем злого умысла [Малия 2015, с. 194].

Член английского парламента заявил: «Мне нравится этот закон [о закрытии Бостона], я принимаю его и одобряю за его умеренность». Этот закон позже будет известен как один из пяти «невыносимых законов» [Миддлкауф 2015, с. 273–274].

Король не ответил на петицию колонистов и вскоре объявил их бунтовщиками, а парламент проголосовал за отправку в Америку еще 25 тыс. солдат [Малиа 2015, с. 207].

Осенью 1775 г. началось заседание Континентального конгресса, требовавшего отмены всех ограничений, действующих в колониях. В ходе военных действий между колонистами и английскими войсками 4 июля 1776 г. Конгресс провозгласил Декларацию независимости США. Англия лишь после разгрома своих войск признала независимость США, подписав в 1783 г. в Версале мирный договор [Кавтарадзе 2005, с. 151]⁸.

Следует отметить, что штаты-учредители федерации имели разные экономические интересы и традиции, поэтому, создав в США президентскую республику, Конституция США 1787 г. сохраняла децентрализованное управление страной. Были отменены дворянские звания, и все граждане были уравниены в правах, кроме, естественно, рабов [там же, с. 151].

Союз колонистов и борьба за него были основаны на философских и политических взглядах Бенджамин Франклина (1706–1790), Томас Джефферсона и Джеймс Мэдисона (1751–1836), которые являются бесценным вкладом в копилку человеческой мысли.

⁸ Во время наполеоновских войн американцы вновь воевали за независимость. В августе 1814 года сражение в Чесапикском заливе окончилось трагически для американской столицы: британские войска захватили Вашингтон, сожгли Капитолий, Белый дом и другие общественные здания. Затем англичане двинулись на север, в сторону Балтимора. Артиллерийский обстрел города вдохновил Фрэнсиса Скотта Ки на создание патриотических стихов под названием «Звездно-полосатый флаг», позднее ставших национальным гимном республики [Макинерни 2009, с. 157].

Считается, что американцы потеряли всего 60 человек убитыми и ранеными, в то время как потери англичан составили 2 тыс. человек. Эндрю Джексон (1767–1845) наслаждался своим триумфом и не знал, что незадолго до этого произошло куда более важное событие. Проходившие в городе Генте переговоры завершились подписанием мирного договора, положившего конец англо-американской войне. И случилось это в самый канун Рождества 1814 года — за две недели до победы в Новом Орлеане [там же, с. 158].

Идеи Отцов-основателей

Человеческим поведением руководят идеи. Все, что делают люди, является результатом теорий, доктрин, убеждений и умонастроений, владеющих их разумом.

Людвиг фон Мизес [Мизес 2014, с. 217]

[Американская] Революция происходила в умах людей.

Томас Джефферсон [Бейлин 2010, с. 16]

Бернард Бейлин совершил настоящую революцию в исследовании войны за независимость, доказав в своей книге «Идеологические истоки Американской революции», что в ее основе лежала борьба идей. Основываясь на последних работах, показывающих, что наследие пуританской республики XVII в. сохранилось и в XVIII в. в виде радикальной критики «продажного» правления вигов, Бейлин продемонстрировал, что идеология «приверженцев Содружества» в большей мере, чем Просвещение, вдохновляла основную массу протестной литературы в Америке начиная с 1765 г. Именно эта идеология стояла за знаковыми событиями того времени — известной серией кризисов от протестов против «Акта о гербовом сборе» до «Бостонского чаепития». В частности, ограничительные меры британского правительства в те годы казались колонистам очевидным «доказательством самого настоящего умышленного сговора, в который тайно вступили заговорщики и в Англии, и в Америке» [Малиа 2015, с. 196].

Революцию наделили особой силой и сделало преобразующим событием не «свержение существующего порядка», а «радикальная идеализация и рационализация предыдущих полутораста лет американского опыта» [там же, с. 196].

С самого начала американцы заимствовали из Европы идеи как свободы (французский либерализм), так и дирижизма (меркантилизм). Первоначально преобладали идеи свободы, особенно благодаря Томасу Джефферсону. Но уже Александр Гамильтон был сторонником централизации кредита, протекционизма и государственного долга [Dorfman 1949, p. 404–417].

Несомненно, что на формирование нации оказали влияние книги Б. Франклина, отличавшиеся доступностью и культом *Self-made man*. Прагматизм и целеустремленность стали чертами американского характера, уже здесь виделось отличие от англичан: чопорность и аристократизм отсутствовали у американцев. Во время конфликта образ национального характера американца был важен для противопоставления себя англичанам.

Что касается экономических взглядов Б. Франклина, то он соглашался с критикой меркантилизма А. Смита и разделял с ним принципы свободной торговли [Паррингтон 1962, с. 239].

Ветвь этатизма в американской истории олицетворяет Александр Гамильтон [Травин 2011, с. 111–125], который в 1791 г. представил Доклад о значении мануфактур [Syrett 1966, р. 230–340]. По сути, Александр Гамильтон детально разработал план Государства-Левиафана в экономической сфере [Паррингтон 1962, с. 367–370]. Если идеи Джефферсона можно назвать протохайковскими, то идеи Гамильтона — протокейнсианскими.

Гамильтон был сторонником активной фискальной политики: «Государственный долг будет благословением для нашей страны. Он прочно цементирует наш Союз. Он, кроме того, создаст необходимость поддерживать налогообложение на таком уровне, который послужит стимулом для развития промышленности» [там же, с. 370].

Джефферсон остро отреагировал на доклад Гамильтона [там же, с. 426–427] и по мере сил боролся против расширения власти федерального правительства [Ефимов 2015, с. 224]. Джефферсон четко обозначал себя как противника централизации.

Видимо, на его убеждения повлияло знакомство с французскими экономистами. Джефферсон был лично знаком с последователем Жака Тюрго (1727–1781) физиократом Дюпоном де Немуром (он даже делегировал ему планы по развитию образования в США), который эмигрировал в США в 1790-е. В 1768 г. он опубликовал трактат «О происхождении и развитии новой науки», в которой отстаивал принципы *Laissez Faire* [Дюпон де Немур 2008, с. 495]. Так что традиция критического отношения к интервенционизму была крайне характерна для Джефферсона: «Наша страна слишком велика для того, чтобы всеми ее делами вершило одно правительство. Слуги общества, находящиеся на далеком расстоянии, без надзора со стороны своих избирателей, окажутся по причине этой отдаленности неспособными управлять и не будут уделять должного внимания всему, что необходимо для справедливого управле-

ния гражданами. Это же обстоятельство, лишаящее избирателей возможности контролировать своих избранников, толкает слуг общества к коррупции, казнокрадству, мотовству» [Паррингтон 1962, с. 431].

Для Джефферсона идеалом было минимальное государство, выполняющее лишь функции «ночного сторожа»: «Мудрое и бережливое государство, государство, которое будет пресекать попытки людей наносить друг другу вред и в то же самое время предоставит им свободу трудовой деятельности и совершенствования и не станет отнимать у труженика заработанный им хлеб, — вот каким должно быть хорошее государство, которое необходимо нам, чтобы сделать наше счастье полным» [там же, с. 435].

В конечном итоге как успехи, так и поражения Американской революции связаны с тем, какие идеи одерживали победу.

Сам Джефферсон признавал в письме Джону Адамсу в 1815 г.: «Что считаем мы революцией? Войну? Она не была частью революции, но лишь следствием ее. Революция происходила в умах людей между 1770 и 1775 гг., на протяжении пятнадцати лет, до того, как первая капля крови пролилась в Лексингтоне. Протоколы тринадцати законодательных собраний, памфлеты, газеты всех колоний за это время удостоверяют, как общественное мнение постепенно было просвещено и осведомлено относительно власти парламента над колониями» [Бейлин 2010, с. 16].

Однако речь шла не только о просвещении, но и об откровенной пропаганде, изображающей англичан как народ, сеющий разврат в колониях. Конечно же, меньше всего американские памфлеты характеризовала объективность. Но без этих памфлетов не было бы и революции. Памфлеты против Англии были мощным инструментом революции [Мижурев 2015, с. 56].

Так, в 1769 г. бостонский корреспондент писал о «продажности, которая, «как всемирный потоп, затопила все к вечному позору британской нации», и предполагал, что «деспотическое и тираническое» английское правительство потому «распространило свои грабительские набеги на Америку», что Британские острова оказались слишком тесны для «беспременной жажды роскоши, расточительства и беспутства». В 1770 г. Элиот писал Холлису: «Господи, помилуй Великобританию! Ибо среди вельмож, я боюсь, едва ли найдется человек добродетельный. Надо бы утешаться надеждой, что среди низших сословий дела обстоят лучше, однако народ нельзя продать, если он до этого не продал себя сам». Чарльз Кэррол выражался еще патетичнее: «Я отчаялся увидеть, как Конституция вернет себе прежнюю силу. Огромная власть короны, бо-

гатство вельмож и развращенность простонародья суть непреодолимые препятствия для парламентской независимости».

Через три года, в 1774-м, Кэррол снова отмечал бесповоротный упадок Англии: «Ненасытная алчность или, что хуже, властолюбие испорченных министров намеревается распространить в Америке ту продажность, которая даровала им неограниченную власть над Великобританией, которая привела Британскую империю на край гибели, ополчила (я не преувеличиваю) подданного против подданного, отца против сына, так что противоестественные убийства могут прибавиться к ужасам гражданской войны» [Бейлин 2010, с. 87].

Пропаганда оказывается эффективной, когда она подготовлена на основе более основательных работ философов и политиков, таких как Томас Джефферсон.

Почему у Америки получилось?

Крупнейший специалист по социологии революций М. Малиа в книге «Локомотивы истории» пишет об удивительной успешности Американской революции: «Не штурмовалась Бастилия, не катились с эшафота королевские головы. Главными символическими событиями стали “Бостонское чаепитие” и мушкетная перестрелка на Лексингтонском лугу. Переворот закончился не выездом на авансцену человека на коне» [Малиа 2015, с. 190].

Видимо, одна из наиболее важных причин успеха революции в том, что Америка никогда не знала «старого режима», как позже она не знала и социалистического движения [там же, с. 208]. При этом надо отметить, что оно было трансформировано в США в движение прогрессистов и либерализм Нового курса Франклина Рузвельта.

Подобно всем европейским революциям, американский мятеж начался как реакция на государственное строительство со стороны короля и закончился представительным конституционным правлением [там же, с. 191].

Идеологически американцы начали борьбу, на которую падал далекий отсвет 1688 г., т. е. пытались защитить свои исторические права как англичане [там же, с. 192]. Прежде всего в Америке отсутствовал фактор, который до тех пор являлся определяющим для европейской цивилизации, — «старый режим». Там не просто не проживал король, но, что гораздо важнее, не существовало ни сословной системы, ни другого

рода наследственных привилегий, ни единой церковной организации или традиции сакральной власти [там же, с. 192].

Американская революция — это самое успешное, хоть и осуществленное чужими руками, творение английской революции, пожалуй, более примечательное и уж конечно более современное, чем либеральный, но узко олигархический порядок, сложившийся к 1688 г. в метрополии [там же, с. 193].

Согласно знаменитому изречению Беккера, американская революция представляла собой схватку не только за то, чтобы «править у себя дома», но и за то, «кто будет править дома». Поэтому за патриотической риторикой эти ревизионисты видели классовую борьбу, «совсем как в 1789 г.» или во время любого европейского восстания.

При кромвелевском Содружестве политика Англии стала более интервенционистской: правительство выкупило «сахарные острова» Вест-Индской компании, ввело для всей британской системы «Навигационный акт», который обязывал североамериканские колонии торговать только в рамках этой системы. С точки зрения британцев, колонии предназначались для того, чтобы служить источником сырья (табака, индиго, риса) или продукции первичной обработки (вроде соленой трески), а также закрытым рынком для товаров британских мануфактур [там же, с. 198–199].

Подлинное значение решительной победы Британии в 1764 г. для будущего заключалось в том, что колониям больше не требовалась ее защита. Метрополия в одночасье стала потенциально не нужна [там же, с. 199].

Более серьезную проблему представляло решение Лондона впервые со времени основания колоний напрямую облагать их налогом; до тех пор все налоги принимались голосованием на их собственных представительных ассамблеях.

Гербовый сбор, издавна существовавший в Англии, подразумевал покупку официальной (гербовой) бумаги для любого рода юридических и коммерческих документов; для продажи этой бумаги Лондон выбирал некоторых именитых колонистов. Когда известия о новых правилах достигли Северной Америки, результатом стал незамедлительный массовый протест под лозунгом «Нет налогам без представительства». Этот лозунг будет лейтмотивом всей революции [там же, с. 201].

Чтобы спасти лицо, парламент принял «Деклараторный закон», сохранявший за ним (абстрактно) право издавать законы для колоний «по любым, каким бы то ни было, вопросам». Вторая волна протеста прока-

тилась после введения в 1767 г. пошлин Тауншенда на стекло, свинец, краски и чай; жители отказывались предоставлять военным жилье, хотя их обязывал к этому «Акт о постое» 1765 г. Трения между войсками и горожанами неизбежно привели к стычке — так называемой Бостонской бойне в марте 1770 г. [там же, с. 202–203].

Затем Лондон допустил еще один промах. В 1773 г. парламент, стремясь помочь Ост-Индской компании справиться с финансовыми трудностями, уполномочил ее назначать в Америке собственных агентов для продажи чая напрямую розничным торговцам, то есть в обход американских оптовиков. Хотя это означало снижение цен на чай, корреспондентские комитеты стали подстрекать горожан, чтобы те заворачивали обратно суда с чаем, и большинство так и делало. В Бостоне губернатор не позволил судам покинуть бухту без разгрузки, тогда в декабре «патриоты», замаскированные под индейцев, забрались на корабли и выкинули чай в воду [там же, с. 203–204].

Как еще один удар по свободе, американские колонисты восприняли не имеющий к ним прямого отношения «Акт о Квебеке», поскольку он расширял границы территории прерогативного управления «папистской» Канады к югу от долины Огайо, включая туда индейские земли, которые жаждали заполучить колонисты [там же, с. 204].

В апреле 1775 г. английским войскам, размещенным в Бостоне, приказали выслать вооруженную колонну в Конкорд, чтобы конфисковать оружие, которое хранила там колониальная милиция. Именно данная акция спровоцировала знаменитую перестрелку на Лексингтонском лугу и начало военных действий между «красными мундирами» и «минитменами». А это противостояние, в свою очередь, вызвало падение британского правительства во всех колониях. Королевские губернаторы один за другим покидали посты и уходили под защиту британских военных кораблей.

Колониальные ассамблеи, которым прежде для заседаний требовалось разрешение губернатора, снова собирались в качестве чрезвычайных «конгрессов» и начинали управлять как верховные органы власти: формировать войска и печатать бумажные деньги, чтобы платить им, хотя в то время бумажные деньги были в новинку и многим казались безрассудной затеей [там же, с. 206]. Бумажные деньги и инфляция скоро найдут не только теоретическое обоснование, но и новый институт, так похожий на старый добрый Банк Англии, учрежденный в 1694 г. Не во всем американцам удалось избавиться от Левиафана.

Что не получилось: Старый порядок и Революция

Так называется известная работа Алексиса де Токвиля, в которой он доказывает, что Французская революция 1789 г. не уничтожила Старый порядок, а его воссоздала. Это же во многом относится и к Американской революции. Хотя Старого режима в колониях не было, но были заимствованы многие европейские институты: центральный банк, протекционизм, широкие полномочия правительства.

Хотя колонисты хотели освободиться от насилия, но заменили насилие британского правительства на насилие своего собственного правительства.

В первоначальной версии Декларации независимости жители были обозначены как *Subjects* — подданные. Позже Джефферсон вымарал это слово и заменил его на *Citizens* — граждане. Это стало известно благодаря спектральному анализу лишь в 2010 г. Для военной знати все является подданными. Сменился лишь «хозяин» [Волков 2018, с. 99].

Ничего хорошего рядовым американцам Конституция не сулила. Она предполагала создание мощного централизованного правительства, которое сосредоточивало в своих руках небывалую власть. У него хватало рычагов, чтобы навязать гражданам свою волю.

Правительство имело право облагать подданных налогами, контролировать коммерцию, собирать армию и использовать ее для подавления мятежей и в иных целях. Исполнительная власть концентрировалась в руках одного человека, который обладал беспрецедентным правом накладывать вето на решения законодательной власти. Конституция предусматривала широчайший круг полномочий для правительства, но почему-то забывала противопоставить ему список гарантированных прав рядовых граждан.

Чем подобная форма правления отличается от вынужденной тирании времен революции? [Макинерни 2009, с. 112–113].

После обсуждения Конгресс разослал список из 12 предложений во все штаты для ратификации. В итоге обсуждения на местах 10 поправок были приняты и вошли в Билль о правах, который в декабре 1791 г. стал частью Конституции.

На поверку выяснилось, что данный документ не затрагивает главных полномочий Конгресса. Он мог и дальше функционировать, но с одним существенным условием: государству запрещалось вторгаться в мысли, взгляды и убеждения своих граждан. Одним из первых актов нового правительства стало ограничение собственной власти [там же, с. 128].

Поводом к этому послужила серия экономических докладов Александра Гамильтона, занимавшего должность министра финансов в кабинете Вашингтона. Многие коллеги недолюбливали этого человека, считая его амбициозным негодяем.

Гамильтон рассматривал свою должность как некий эквивалент кресла премьер-министра и самонадеянно полагал, что его дружба с президентом позволяет вмешиваться в работу других ведомств.

Результатом и стала экономическая программа, которую Гамильтон разработал в 1790–1791 гг. и представил вниманию Конгресса в виде упомянутых докладов. В программе рассматривались такие злободневные вопросы, как государственный кредит, основание единого национального банка и развитие отечественного производства. Выступление Гамильтона вызвало бурю ожесточенных споров, так как, по сути, он поднимал все те же извечные вопросы: для чего существует федеральное правительство и что оно может? [там же, с. 129].

Гамильтон предлагал всех держателей долговых расписок связать с федеральным правительством, чтобы они были кровно заинтересованы в его успехах. Если это правительство потерпит крах, то кредиторы потеряют свои средства. Таким образом, возникнут основания для поддержки правительства, особенно в среде наиболее обеспеченных граждан республики [там же, с. 130].

В одном из своих выступлений министр предложил конгрессменам учредить национальный банк, имевший целью стабилизацию экономики страны посредством накопления и выпуска денежной массы, кредитования организаций и частных лиц и контроля за деятельностью банков штатов.

Самому Гамильтону эта идея виделась вполне разумной и своевременной, в то время как оппоненты расценивали его предложение как опасное безрассудство.

Они доказывали, что проект Гамильтона вдвойне порочен: во-первых, он копирует Банк Англии, давно дискредитировавший себя в глазах американцев; а во-вторых, создание банковской структуры вообще является противоправным деянием, поскольку это не входит в функции Конгресса.

Джефферсон, Мэдисон и другие указывали, что в Конституции четко сказано: Конгресс может только использовать определенные, уже существующие рычаги власти. То, что не «перечислено», не входит в число законных средств.

«Достаточно сделать лишь шаг в сторону, — предупреждал Джефферсон, — ...и это будет расценено как попытка захвата беспредельной

власти... власти, не поддающейся никакому определению». Узкая интерпретация документа представляет собой лучший путь к ограничению власти правительства и защите демократических свобод населения.

Гамильтон в ответ указывал на ту часть Конституции, где были обстоятельно прописаны права Конгресса. Восьмой раздел I статьи (конкретно последнее предложение) гласит, что Конгресс «может издавать любые законы, которые он сочтет необходимыми и надлежащими» для осуществления полномочий, предоставленных ему Конституцией. В частности, за Конгрессом оговорено право собирать налоги и регулировать торговлю; а банк является тем самым механизмом — «необходимым и надлежащим», — который требуется для выполнения этих задач. То есть учреждение банка является актом вполне конституционным [там же, с. 132].

Гамильтон настаивал на том, что нация должна расширять свои экономические горизонты путем строительства промышленных предприятий, причем не менее продуктивных, чем поля и плантации. Но подобная метаморфоза произойдет лишь в том случае, если правительство проявит активность и пробудит граждан от их заурядных сельскохозяйственных грез. Настало время распрощаться с позицией невмешательства и обратиться к новому меркантилизму.

Гамильтон разработал целую систему мер: протекционистские тарифы были призваны инициировать развитие отечественной промышленности, акцизные сборы — обеспечить повышение доходов государства, поощрительные государственные премии должны были поддерживать прибыльные отрасли сельского хозяйства, рыболовов и китобоев тоже ожидали государственные субсидии. Кроме того, Гамильтон разработал ряд мер, направленных на развитие транспортной системы, необходимой для развития внутреннего и внешнего рынка. Он искренне верил, что правительство может (и должно) играть активную роль в экономике страны, способствуя ее расцвету и обогащению [там же, с. 134].

Таким образом, экономическая программа Гамильтона натолкнулась на серьезное сопротивление оппозиции. В качестве уступки Конгресс согласился незначительно повысить тарифы на импорт и ввести небольшие акцизные сборы на некоторые виды продукции, в том числе на виски. Но и этого хватило, чтобы вызвать недовольство у населения.

Фермеры юго-западной Пенсильвании больше всего возмущались именно акцизами на виски, которые подрывали их привычный уклад жизни. Испокон веков в американской сельской глубинке, безнадежно удаленной от рынков и железных дорог, выращивали пшеницу. Введен-

ные государством акцизы больно ударили по кошельку местных жителей, для которых торговля спиртным являлась чуть ли не единственным источником доходов.

К 1794 г. обстановка в штате накалилась до предела. Фермеры бойкотировали ненавистное постановление, угрожали федеральным чиновникам и мстили своим более покладистым землякам. Разъяренный Гамильтон настаивал на применении силы, и Вашингтон отправил на запад 13-тысячную армию, чтобы в корне задавить «Бунт виски». Однако к тому времени, как войска добрались до Пенсильвании, беспорядки стихли.

Как водится, арестовали небольшую группу заводил, двоих из них приговорили к смертной казни, но позже помиловали.

Казалось, инцидент был исчерпан, но стычки между таможенными инспекторами и непокорными самогонщиками продолжались еще на протяжении ряда лет и прочно вошли в фольклор в качестве темы для многочисленных анекдотов. Хотя, если разобраться, ничего веселого в «Бунте виски» не было. Напротив, то, как в данной ситуации повело себя федеральное правительство — а именно пренебрегло интересами граждан, — наводило на тревожные выводы: **отныне и впредь правительство будет навязывать населению свои законы с позиции силы** [там же, с. 135–136].

Кроме того, в 1807 г. Конгресс принял «Акт об эмбарго», запрещавший американским кораблям заходить в иностранные порты и фактически парализовавший всю морскую торговлю [там же, с. 154].

Коррупция процветала в процессе государственной продажи земельных участков. Наживались на этом те, кто первым покупал крупные участки у правительства, продавая их потом по более высоким ценам [История США 1983, с. 239].

В результате революции был принят акт о национализации западных земель. Общественной собственностью были признаны все земли к западу от Аллеганских гор. Их можно было приобрести, но только крупными «секциями» по 640 акров и по цене не меньше 1 долл. за акр с оплатой наличными в течение месяца. Это были огромные деньги, поэтому стала процветать спекуляция. Приближенные к властям могли купить крупный участок, а потом продавать частями по более высоким ценам. Видимо, это был первый шаг к образованию паразитического государства в США [Кавтарадзе 2005, с. 151–152].

В 1830-х гг. типовая ферма стоила 100 долл. В 1800 г. федеральное правительство распродало 68 тыс. акров общественной земли, в 1815 г. —

1,3 млн акров, в 1818-м — 3,5 млн акров, в 1836-м — 20 млн акров. К побочным эффектам продаж земли относятся безумные капиталовложения в эту операцию, которые были под силу лишь земельным спекулянтам. В результате именно им и досталась большая часть реализуемой земли [Макинерни 2009, с. 186].

Как мы видим, то, с чем боролись американцы, снова появилось — Государство-Левиафан. Хотя первоначально и не такое большое, как в XX в.

Рождение американского Левиафана

Самой нелиберальной мерой любого правительства при проведении экономической политики является инфляция. Она не только разрушает частную собственность, но и уничтожает возможности для рационального экономического расчета. Инфляция неизбежно перераспределяет ресурсы в пользу групп особых интересов и создает «федеральную кормушку» для любителей освоить бюджет. Американское государство, как и многие другие, создавалось за счет инфляционного перераспределения в пользу групп особых интересов.

Для финансирования войны за независимость Континентальный конгресс принял за эмиссию бумажных денег. Лидером сторонников бумажных денег был Гвернер Моррис (1752–1816), молодой наследник аристократической семьи нью-йоркских землевладельцев. С самого начала не было обещаний выкупить эти деньги даже в будущем, но предполагалось, что через семь лет они будут изъяты из обращения за счет налогов. Таким образом, намечалось дополнить инфляционную эмиссию бумажных денег бременем будущих налогов. Но про обещание изъять эти деньги из обращения вскоре забыли, потому что Конгрессу для этого не требовались никакие дополнительные усилия для получения доходов и он расширил эмиссию неразменных бумажных денег. Как заметил один историк, «так возникла “федеральная кормушка”, один из самых нерушимых институтов Америки» [Ротбард 2016, с. 58].

Объем денежной массы в начале войны за независимость оценивается в 12 млн долл. В июне 1775 г. по распоряжению Конгресса были напечатаны первые 2 млн долл., но типография еще не успела справиться с этим заказом, как было решено, что понадобится еще 1 млн долл. До конца этого года успели эмитировать или утвердить решение об эмиссии

6 млн долл., так что **количество денег в обращении выросло за год на целых 50 %** [там же, с. 58].

В следующие несколько лет выпуск «континентальных» денег быстро наращивался: в 1776 г. были напечатаны 19 млн долл., в 1777-м — 13 млн долл., в 1778-м — 64 млн долл., в 1779-м — 125 млн долл. Сверх 12 млн долл. денежной массы, которые были в обращении к началу войны, за пять лет напечатали 225 млн долл. Результатом был быстрый рост цен и параллельное обесценение бумажных денег. Так, в конце 1776 г. соотношение между бумажным долларом, или континенталом, и серебряным долларом было 1 к 1 или к 1,25, к концу следующего года — 3 к 1, к декабрю 1778 г. курс упал до 6,8 к 1, а к декабрю 1779 г. — до 42 к 1. К весне 1781 г. континентальные доллары практически обесценились: на рынке **за один серебряный доллар можно было купить 168 бумажных**. Возникла даже поговорка «не стоит континентала» [там же, с. 58–59].

В довершение всех бед несколько штатов выпустили собственные бумажные деньги, и они обесценивались каждая со своей скоростью. Инфляционную гонку возглавили Виргиния и Каролина, которые к концу войны добавили 210 млн долл. к 225 млн долл. федеральной денежной массы. В попытке сдержать инфляцию и обесценение денег **разные штаты декретировали потолок цен** и потребовали принимать деньги по номиналу [там же, с. 59].

Федеральный долг за год с июня 1791 по июль 1792 г. вырос на 840 723 долл. [Wright 2002, p. 142].

К концу войны только федеральных сертификатов было выпущено на 200 млн долл., и стоимость их, как легко понять, была почти нулевой.

В Виргинии и Джорджии выпущенные штатами деньги были обменены на звонкую монету по курсу 1000 к 1 [Ротбард 2016, с. 59].

Но процесс был остановлен и обращен вспять усилиями Роберта Морриса, богатого филадельфийского торговца, который в последние годы войны являлся фактически главным экономистом и финансовым царем Континентального конгресса. Моррис был лидером федералистских сил в американской политике [там же, с. 60].

Замыслы сторонников децентрализации, которые хотели исключительно за штатами сохранить право устанавливать и собирать налоги, а также выпускать новые бумажные деньги для оплаты федеральных долгов, были разрушены принятием Конституции и победой сторонников федерализма, возглавлявшихся Александром Гамильтоном, учеником и бывшим помощником Морриса [там же, с. 61].

Весной 1781 г., вскоре после того, как его экономический авторитет в Конгрессе стал незыблемым, Моррис представил законопроект о создании первого коммерческого, а заодно и первого центрального банка в истории новой республики. Этот банк, возглавленный самим Моррисом, Банк Северной Америки, был не только первым в истории США коммерческим банком с частичным резервированием, но и представлял собой находившийся в частных руках центральный банк, созданный по образцу Банка Англии [там же, с. 61]. С чем боролись, на то и напоролись.

Банк Северной Америки быстро получил федеральную лицензию и в начале 1782 г. распахнул двери. Среди прочего банк получил привилегию: его банкноты подлежали приему по номиналу всеми правительственными учреждениями в качестве оплаты сборов и налогов. Кроме того, никакие другие банки не получили права действовать на территории страны. **В обмен за монополию на выпуск бумажных денег банк обязался ссужать печатаемые им деньги федеральному правительству для выкупа правительственных долговых обязательств**, эти ссуды подлежали погашению за счет налогоплательщиков. Банку Северной Америки доверили также держать все средства Конгресса. Первый центральный банк США быстро выпустил 1,2 млн долл. и ссудил их Конгрессу, возглавлявшемуся тем же Робертом Моррисом [там же, с. 61–62].

Когда Моррис не смог добыть требуемую законом сумму для внесения в уставный капитал Банка Северной Америки, он совершил, по сути, жульническую операцию: присвоил деньги, одолженные США Францией, и от имени правительства вложил их в свой собственный банк. Таким образом, источником уставного капитала этого частного банка стали средства правительства. Затем эти средства банк Морриса ссудил Моррису как правительственному финансисту, а выгоду от этого получил Моррис как банкир. Наконец, все тот же Моррис истратил большую часть этих денег на военные закупки у своих друзей и деловых партнеров [Rothbard 1979, p. 392].

Гамильтон полагал, что все это прекрасно. Он доказывал, что так называемую «нехватку» металлических денег следует преодолеть с помощью вливания в оборот бумажных денег, которые и будет эмитировать новый банк, а деньги следует тратить на выкуп государственных долговых обязательств и на субсидии промышленникам. Все это укрепит зависимость элит от правительства [Ротбард 2016, с. 67].

Федеральное правительство будет держать свои денежные средства в этом банке, что обеспечит ему достаточный престиж [там же, с. 67].

Банк Соединенных Штатов немедленно приступил к реализации своего потенциала — начал на основе собственных средств на 2 млн долл. металлическими деньгами надстраивать финансовую пирамиду — с помощью бумажных денег и депозитов до востребования — высотой в много миллионов долларов [там же, с. 67].

Индекс оптовых цен вырос с 85 в 1791 г. до пикового уровня 146 в 1796 г., т. е. на 72 % [там же, с. 68].

Создание Банка Соединенных Штатов в 1791 г. и организованная им денежная экспансия стимулировали создание 18 новых банков за пять лет [там же, с. 68].

Джефферсон доказывал, что Конституция не давала федеральному правительству права учреждать банк. Гамильтон в ответ заявил, что Конституция «предполагает» дарование права действовать для достижения «общего блага», и этим ответом проложил дорогу для буквально неограниченной экспансии федеральной власти [там же, с. 68].

В 1800 г. действовали 28 банков штатов, а к 1811 г. их стало уже 117 — рост в четыре раза [там же, с. 69].

В январе 1811 г., в год закрытия Банка Соединенных Штатов, сумма золотых и серебряных активов составляла 5,01 млн долл., а сумма банкнот и депозитов — 12,87 млн долл., т. е. коэффициент покрытия был равен 0,39 [там же, с. 70].

Основанный Александром Гамильтоном Банк Нью-Йорка хвалил Банк Соединенных Штатов за то, что «в случае стесненных обстоятельств он способен оказывать торговцам такую помощь, которую банки штатов предоставить не в состоянии» [там же, с. 70–71].

Рекордным было число новых банков в Пенсильвании, где только за март 1814 г. был создан 41 новый банк, притом что до этого во всем штате действовали только 4 банка, да и те исключительно в Филадельфии. Самый сильный инфляционный импульс имел место в 1815 г., когда правительство разрешило банкам приостановить погашение своих обязательств звонкой монетой [там же, с. 72].

Давид Рикардо (1772–1823) удивлялся тому, что граждане в США не могут приструнить банки. 18 апреля 1821 г. Рэгит в письме Давиду Рикардо так объяснил могущество банков в США: «В своем письме Вы пишете, что Вам трудно понять, почему те, кто имеет право потребовать от банка монеты в уплату за их банкноты, так упорно не пользуются этим правом. Это, конечно же, должно казаться парадоксальным живущему в стране, где парламенту пришлось принять особый закон для защиты банков, но это Ваше затруднение легко разрешить. Все наше

население состоит либо из акционеров банков, либо в долгу перед ними. Давить на банки не в интересах первых, а остальные боятся. Вот и весь секрет. Независимый человек, не являющийся ни акционером, ни должником, который бы рискнул призвать банки к порядку, подвергся бы преследованиям как враг общества» [там же, с. 80–81].

Всего лишь за полтора года своей деятельности центральный банк США увеличил объем денежных инструментов на 19,2 млн долл. и довел степень пирамидальности до 9,24, а коэффициент покрытия — до 0,11.

Мечта Александра Гамильтона реализовалась — был создан Американский центральный банк. Хотя в 1836 г. его закрыл Эндрю. Джексон, эта модель была использована в 1913 г. Вудро Вильсоном, когда он создавал Федеральную резервную систему США. Символично, что Александр Гамильтон похоронен в Церкви Троицы на Манхэттене, недалеко от Уолл-стрит.

Последствия этатизма: Паника 1819 года

Первый серьезный финансовый кризис обрушился на США в 1819 г. Он был следствием деятельности Банка Соединенных Штатов, способствовавшего росту денежной массы [Уэрта де Сото 2008, с. 363].

Объем денег в обращении вырос в стране от 67,3 млн долл. в 1816 г. до 94,7 млн долл. в 1818 г., т. е. на 40,7 % за два года. Большая часть этого прироста была плодом деятельности Банка Соединенных Штатов [Ротбард 2016, с. 85].

Кризису предшествовал экономический бум. Индекс цен на товары, произведенные в Луизиане, вырос на рынках Нового Орлеана с 178 до 224. Экономика процветала. Объем экспорта увеличился с 81 млн долл. в 1815 г. до 160 млн долл. в 1818 г. Сильно росли цены на недвижимость, землю, мелиоративные работы и на рабов [там же, с. 86].

Росли цены на фрахт пароходов, и кораблестроители тоже были вовлечены в лихорадку хозяйственного подъема [там же, с. 86].

В марте 1817 г. в Нью-Йорке распахнула двери первая в стране фондовая биржа. Кроме того, в период этого бума в США появились первые инвестиционные банки [там же, с. 87].

Самая пагубная черта системы заключалась в том, что эмиссия банкнот и депозитов была напрямую привязана к объему купленных банком облигаций правительства штата. Эти облигации по существу станови-

лись резервным фондом банков, над которым они и выстраивали пирамиду депозитов и банкнот [там же, с. 111].

В период кризиса сжатие денег и кредита кажутся почти неправдоподобными: сумма банкнот и депозитов упала с 21,9 млн долл. в июне 1818 г. до всего лишь 11,5 млн долл. годом позже. Объем денежной массы, предоставляемой рынку Банком Соединенных Штатов, за год съезжился не менее чем на 47,2 %. Число инкорпорированных банков сначала оставалось неизменным, но за последующие три года резко уменьшилось — с 341 в середине 1819 г. до 267 тремя годами позже [там же, с. 87–88].

В западных районах США, где инфляция кредитно-денежных инструментов в период бума была особенно значительна, нехватка денег была столь остра, что произошел массовый откат к бартерной торговле, в которой роль денег выполняли зерно и виски.

Как сказал экономист и историк Уильям Гоудж, в результате стремительного сжатия объема денег в обращении «банк спасти удалось, но жизнь была разрушена» [там же, с. 88].

Горький опыт паники 1819 г. способствовал возникновению движения джексоновцев [там же, с. 89].

Многие американцы осознали, что доверие такой важной сферы, как деньги и кредит государству, приводит к кризисам, подобным 1819 г.

Джексоновская демократия

Приход к власти Эндрю Джексона был естественной реакцией на панику 1819 года и на тенденции к централизации власти. Джексон обещал вернуть власть простым американцам.

Джексоновцы не были невеждами, как их изображает большинство историков, напротив, они хорошо ориентировались в экономических теориях того времени и прежде всего хорошо знали рикардянскую денежную школу [Ротбард 2016, с. 89–90].

Мюррей Ротбард (1926–1995) даже полагал, что экономическая программа джексоновцев была либертарианской: «Джексоновцы были просто-напросто либертарианцами. Их программа и идеология были чисто либертарианскими. Они были очень благосклонны к идеям свободного предпринимательства и свободных рынков, при этом они с не меньшим рвением были против особых субсидий и монопольных привилегий, предоставляемых правительством бизнесу или любым другим группам. Они считали очень важным свести к минимуму размер правительства

как на уровне федеральном, так и на уровне штатов. Они верили, что роль правительства должна быть сведена к охране прав частной собственности. В денежной сфере это предполагало отделение государства от банковской системы и переход от инфляционных бумажных денег и банковской деятельности с частичным резервированием к системе, основанной исключительно на звонкой монете и 100%-ном резервировании» [там же, с. 90–91].

Следует отметить, что во времена правления Джексона Гамильтон рассматривался как монстр инфляционизма [Knott 2002, p. 27–46].

Однако Джексон был сторонником протекционизма и прославился борьбой с коренным населением Америки. Видимо, поэтому некоторые современные исследователи сравнивают его политику с политикой Дональда Трампа.

Спор о будущем коренного населения начался задолго до Джексона.

Одна группа — «градуалисты» (или сторонники постепенных реформ), представителем которых являлся Джефферсон, рассматривали индейцев как неких подопечных государства, полагая их неспособными управлять собственными делами.

В 1831 г. Верховный суд определил коренное население как «внутренне зависимую нацию». Учителя и миссионеры могли бы «цивилизовать» индейцев, чтобы те постепенно отказались от своего традиционного образа жизни и смогли войти в белое общество. С белой экспансией тоже никаких проблем не предвиделось, поскольку индейцы занимали свои земли по праву изначальной занятости, никак не оформленной юридически. Их территориальные притязания носили не постоянный, а эпизодический характер. В любом случае индейцы могли найти себе другое «место», если бы перестали сопротивляться и ассимилировались с белой расой.

Система «агентств», монополизировавших всю торговлю с коренным населением, тоже ориентировала их в этом направлении. А навязанные договоры (или случайные стычки) были призваны «убедить» тех, кто упорствовал и не желал расставаться со своим дикарским состоянием [Макинерни 2009, с. 172].

В 1838 г. федеральные власти погнали 15 тыс. недовольных индейцев, как скот, на запад, на так называемую индейскую территорию. Во время долгого и тяжелого путешествия по «Тропе слез» (как окрестили его сами индейцы) примерно четверть из всех перемещенных умерла. К 1840 г. практически все восточные племена оказались изгнанными с их законной территории. Индейцев заставили освободить свыше 100 млн акров к востоку от Миссисипи и переселиться на западный берег,

где им предоставили около 32 млн акров засушливой и негостеприимной земли [там же, с. 175].

Вряд ли эту деятельность Ротбард счел бы либертарианской.

Однако в экономической политике было много либертарианских идей. Для их реализации в середине 1820-х гг. усилиями нью-йоркского политика Мартина ван Бюрена, которого престарелый Томас Джефферсон обратил в приверженца дела *Laissez Faire* [Ротбард 2016, с. 90], была создана новая демократическая партия.

Первым важным шагом Джексона было упразднение центрального банка, который, с точки зрения джексоновцев, являлся главным виновником инфляции [там же, с. 61–91]. В 1836 г. Джексон не продлил чартер Второму банку Соединенных Штатов.

С необходимостью предоставления услуг денежного обращения и кредита прекрасно справлялся рынок.

Одним из примеров эффективного децентрализованного предоставления банковских услуг является суффолкская система. Контролер денежного обращения США констатировал, что суффолкская клиринговая система погашения банкнот обходилась существенно дешевле государственной [там же, с. 117].

Однако в 1857 г., в приступе денежного национализма, была отменена важная часть джексоновской программы — все иностранные монеты были лишены статуса узаконенного средства платежа [там же, с. 109].

В 1863 г. закон о Национальной банковской системе запретил банкам штатов эмиссию каких-либо банкнот, в силу чего образовалась монополия государственного банка, сохраняющаяся и поныне. Но суффолкская система доказала, что в условиях свободного рынка частные банки могут на конкурентной основе организовать эффективную, надежную и недорогую клиринговую систему, препятствующую чрезмерной эмиссии бумажных денег [там же, с. 120].

Прогрессивисты традиционно считают джексоновцев виновниками кризиса 1837 г., объясняя его отсутствием центрального банка. Однако причины, как показывают современные исследования, были иными.

Кризис 1837 года

Э. Джексон, пожалуй, самый успешный борец с монополией государства в сфере денежного обращения.

В 1833 г. он исключил поступление федеральных налогов в банк Соединенных Штатов и перераспределил их между банками штатов. То же самое Джексон проделал в 1836 г. с дополнительными федеральными доходами. Более того, он взял курс на преимущественное использование монеты с тем, чтобы воспрепятствовать банку в выпуске бумажных денег. Джексон рассчитывал установить контроль над экономическими интересами меньшинства, обеспечить честность и открытость в банковской системе и таким образом не только расширить возможности большинства, но и приблизиться к своей конечной цели, а именно — создать свободный, конкурентоспособный, поистине «демократический» рынок [Макинерни 2009, с. 178–179].

Феноменальный темп роста инвестиций в США в 1830-е гг. вызвал бум. На этот фактор наложились резкое снижение цен на хлопок, ставшее причиной разорения многих плантаторов, и вредоносные протекционистские пошлины 1824 и 1828 гг. [там же, с. 176].

Кризис сильнее всего повлиял на банковскую систему. Количество банков в 1839 г. — 50, в 1845 г. — 19. Капитализация в 1839 г. — 4 595 000 долл., в 1845 г. — 3 273 200 долл. [Wright 2002, p. 100]. Однако современные данные ничего не говорят о том, что это был глубочайший кризис XIX в. Напротив, статистика даже не показывает наличия кризиса. Так, ВВП в 1839 г. — 2003 долл, в 1844 г. — 2628 долл. Средние темпы роста — 5,6 % в период 1839–1844 гг. [Engerman, Gallman 2000, p. 7]. Похоже, это была «паника» именно для банков, которые лишились федеральной поддержки, а вот экономика продолжила свой рост.

Успех Джексона вызвал реакцию у его оппонентов.

В 1834 г. Генри Клэй, Дэниел Уэбстер, Джон Куинси Адамс и другие политические деятели объединились в так называемую партию «вигов», которые — пользуясь революционной терминологией — определяли себя как противники централизованной, тиранической и недемократической по своей сути власти «короля Эндрю». Виги отрицали джексоновскую (да и джефферсоновскую) доктрину о необходимости ограничения полномочий федерального правительства, их политическая программа включала такие пункты, как национализм, правительственный интервенционизм и социальные реформы [Макинерни 2009, с. 180].

В кризисе 1837 г. была неповинна борьба Джексона с денежной монополией, это кризис для самой монополии, он не вызвал затяжного кризиса, как принято думать. Кризис 1837 г. — скорее фикция [Engerman, Gallman 2000, p. 665–666].

Промышленное развитие

Принято считать, что самый бурный рост американской экономики приходится на период после Гражданской войны. Это не так. Самые высокие темпы роста ВВП были до нее — 4,2 % (3,94 % — после Гражданской войны). 1800–1861 гг. — период самых высоких темпов экономического роста ВВП в истории США [Мэддисон 2012, с. 582]. Правда, темпы роста накопления капитала стали выше после Гражданской войны (5,53 % и 5,46 % соответственно [там же, с. 582]), это связано с тем, что индустриализация требует более «окольных стадий производства».

США после Американской революции совершили скачок в своем развитии по отношению к Великобритании. Отношение совокупного продукта Великобритании к США: 1774 г. — 2,7; 1850 г. — 1,42; 1870 г. — 0,97 [Engerman, Gallman 2000, р. 3]. Еще более показателен отрыв по отношению к России⁹. Отношение совокупного продукта России к США: в 1870 г. — 0,85; в 1890 г. — 0,47 [Ibid., р. 3].

От Революции до Гражданской войны ВВП США вырос почти в 30 раз. ВВП в 1774 г. — 149 долл., в 1859 г. — 4226 долл. (в ценах 1860 г.) [Ibid., р. 7].

Значительно увеличилось индивидуальное благосостояние. Реальный ВВП на душу населения в 1774 г. — 63,3 долл.; в 1859 г. — 135,9 долл. [Ibid., р. 22].

Промышленная революция совершилась в США ранее 1861 г. К 1860 г. доля промышленности — 22%, сельского хозяйства — 35%. Предложение труда увеличилось с 1,7 млн до 8,1 млн человек [Ibid., р. 209].

Следует отметить, что увеличивалось и неравенство. Коэффициент Джини в 1798 г. — 0,59, в 1860 г. — 0,66 [Ibid., р. 132]. Это естественное и благотворное явление для экономического роста. В долгосрочном периоде это увеличивает уровни доходов беднейших слоев общества

⁹ В 1831 г. Токвиль писал: «Американцы преодолевают природные препятствия, русские сражаются с людьми. Первые противостоят пустыне и варварству, вторые — хорошо вооруженным развитым народам. Американцы одерживают победы с помощью плуга земледельца, а русские — солдатским штыком. В Америке для достижения целей полагаются на личный интерес и дают полный простор силе и разуму человека. Что касается России, то можно сказать, что там вся сила общества сосредоточена в руках одного человека. В Америке в основе деятельности лежит свобода, в России — рабство» [Токвиль 1994, с. 296].

быстрее, чем все иные альтернативы. Именно поэтому бедняки активно эмигрировали в США.

В этот период доля США в мировом экспорте выросла с 3,2 в 1800 г. до 9,8 в 1860 г. [Ibid., p. 688].

Происходили и другие перемены: расширение освоенной территории, усовершенствование транспортной системы, расцвет мануфактур, волны иммиграции и вспышка урбанизации; все они случились примерно в одно время и внесли свою лепту в создание нового порядка [Макинерни 2009, с. 183].

К середине XIX в. на американских текстильных фабриках стояло более эффективное оборудование, чем на сходных предприятиях Британии [там же, с. 193].

Между 1840 и 1860 гг. общий объем промышленной продукции вырос вдвое. К концу этого срока стоимость промышленной и сельскохозяйственной продукции уже сравнялась. Большинство промышленных предприятий было сосредоточено на Севере. Количество рабочих, занятых в промышленности, быстро увеличивалось: с 3 % в 1820 г. до 25 % в 1870-м; число сельскохозяйственных рабочих за тот же период снизилось на треть. Фабрики и заводы все больше зависели от притока иммигрантов, которые по прибытии в Америку пополняли собой армию промышленных рабочих [там же, с. 194–195].

Скорость, с которой на карте Америки в 1820–1860 гг. возникали новые города, была выше, чем в любой другой сорокалетний период американской истории [там же, с. 197].

Одновременно шел процесс укрупнения городов. Так, население Филадельфии и Балтимора более чем удвоилось между 1830 и 1850 гг.; население Нью-Йорка увеличилось в 2,5 раза за тот же период, а население Цинциннати — и вовсе в 5 раз. Столь же бурно росли города на побережье Великих озер — Кливленд, Детройт и Чикаго.

После победы американцы заменили принцип наибольшего благоприятствования на принцип взаимной выгоды. На нем был основан торговый договор с Англией 1815 г., устанавливающий равные пошлины.

В целом такой подход способствовал росту внешней торговли США и усилению ее позиций на мировом рынке [Кавтарадзе 2005, с. 152].

Непреднамеренным последствием независимости США для Англии стало то, что она выиграла от этого. Дело в том, что по примеру США движение за независимость началось в Испанских колониях в Америке. Это привело к образованию в 1816–1825 гг. большой группы независимых государств — Аргентины, Чили, Перу, Колумбии. Правительства

этих стран поспешили открыть свои рынки для продукции английских производителей. Ранее этому препятствовала континентальная администрация этих стран. Таким образом, Англия расширила свои рынки сбыта за счет американских колониальных революций. Это же верно и в отношении США, традиционные торговые связи с Англией были быстро восстановлены; кроме того, значительно вырос спрос английских производителей на сырье, в том числе на хлопок [там же, с. 152–153].

Америка с начала XIX в. активно совершала экспансию на Запад. США приобрели Луизиану у Наполеона за 15 млн долл. в 1803 г. [там же, с. 177].

Стремительный рост территорий происходил за счет Мексики. В 1845 г. США аннексировали Техас, позже присоединили территории, где образовались штаты Юта, Нью-Мехико и Калифорния.

Приток мигрантов до 1840-х составлял 90 тыс. человек, после открытия золотых приисков в Калифорнии ежегодный приток вырос до 250 тыс., иногда доходя до 900 тыс. Население США выросло с 5 млн человек в 1800 г. до 31,4 млн в 1860 г.

А на Тихоокеанском побережье разнообразные общины росли как грибы, и привлекала их мечта скорее о земных благах, чем о загробной награде. В январе 1848 г. в предгорьях Сьерра-Невады обнаружили золото, и сюда хлынул поток искателей счастья. За два года «золотой лихорадки» население Калифорнии увеличилось с 14 тыс. до 100 тыс. человек. За каких-нибудь восемь лет маленький заштатный Сан-Франциско, где проживали всего 200 человек, вырос в полноценный город с 50-тысячным населением [Макинерни 2009, с. 273].

Развитие рыночной экономики в 1820–1860 гг. привело к обогащению нации со всеми вытекающими последствиями. Уровень жизни американцев заметно повысился: достаточно сказать, что доход на душу населения вырос вдвое¹⁰ [там же, с. 198].

¹⁰ Одним из следствий бурного роста экономики стало появление различных утопических проектов. На протяжении XIX столетия в Америке возникло свыше 100 утопических сообществ, к которым на пике движения (1840–1860 гг.) присоединилось свыше 100 тыс. мужчин и женщин. Идеологи утопических экспериментов отрицали традиционную культуру собственного индивидуализма и рыночной конкуренции, которые вели к неизбежному разъединению членов общества; предупреждали об опасности деградации в условиях тяжелого труда, низводящего человека до положения рабочего скота. Они мечтали возродить в своих общинах равенство и чувство товарищества, вернуть радость от созидательного труда и восстановить социальную общность. В результате люди — и мужчины, и женщины —

Мы знаем великих предпринимателей Позолоченного века — Эндрю Карнеги, Корнелиуса Вандербильта, Генри Форда, Томаса Эдисона. Но многие до сих пор известные корпорации были созданы до Гражданской войны: *Tiffany* (1837), *Webster* (1847), *Remington* (1818), *Bakers* (1780).

Таким образом, промышленное развитие началось задолго до Гражданской войны.

Расцвет американской культуры

В 1770 г. аббат Рейналь констатировал, что «Америка пока не произвела ни одного стоящего поэта, ни одного способного математика, по сути, ни одного гения в какой-либо области науки или искусства». Ему вторил Сидни Смит, насмешливо вопрошавший в «Эдинбург ревю»

должны были обрести свое истинное, самой природой и Богом предназначенное место [Макинерни 2009, с. 214].

Помимо религиозных коммун, существовало и большое количество мирских объединений, которые основывались не на вере, а на здравом смысле и общих представлениях о жизни. Один из подобных экспериментов связан с именем шотландского фабриканта Роберта Оуэна. Начав с реорганизации своих хлопчатобумажных фабрик в Нью-Ланарке (Шотландия), он вплотную подошел к идее перестройки общества. Оуэн верил, что правильная окружающая среда способна благотворно влиять на жизнь человека. Исходя из этого убеждения, он организовал коммуну под названием «Новая гармония», ориентированную на равенство, кооперацию, образование и экономическое разнообразие. Ее открытие произошло в 1824 г. в штате Индиана — при большом стечении народа, под фанфары и ликование толпы. Увы, триумф длился недолго — всего несколько лет, а затем социальная гармония сгинула в котле внутренних склок и противоречий [там же, с. 216].

Прочие светские утопии разделили печальную судьбу «Новой гармонии». В Америке существовало несколько десятков коммун, базировавшихся на учении французского философа Шарля Фурье, популяризацией идей которого в Штатах занимался Альберт Брисбейн. Он призывал жителей коммун преодолеть «недоверие, изоляцию, разединение, конфликты и антагонизмы», которые на тот момент царили в обществе. Сделать это Брисбейн рассчитывал, изъяв людей из большого, чуждого, погрязшего в непонимании мира и поместив их в небольшие, хорошо организованные (в социальном и экономическом плане) общины — «фаланстеры», по определению Фурье. Оптимальный размер и конфигурация общин вычислялись математически — чтобы обеспечить их членам «привлекательную деятельность» в соответствии с пожеланиями и наклонностями. Фурье, как и Оуэн, надеялся, что подобные условия сумеют восстановить внутренний и внешний баланс, безнадежно разрушенный в современном мире [там же, с. 217].

в 1820 г.: «Да кто читает американские книги? Или смотрит американские пьесы? Или любит американскими картинами и статуями?» Народ Америки, признавал еще один критик, «не имеет национальной литературы» [Макинерни 2009, с. 240].

Примерно в то же время в России об этом писал П. Чаадаев. Однако в США никто не объявлял официально сумасшедшими тех, кто не видел успехов американской культуры.

Культурный переворот в США в значительной степени связан с творчеством такого литературного деятеля, как Ральф Уолдо Эмерсон. В 1837 г. в своем обращении к гарвардскому обществу он объявил, что эпохе художественного уничтожения Америки пришел конец. «Мы слишком долго прислушивались к изящным речам европейских муз», — сетовал Эмерсон. «Дремлющий интеллект» Америки наконец-то воспрянет и «вознаградит долговременные ожидания всего мира чем-то большим, нежели демонстрация механических чудес». Он уверял, что «время нашей зависимости, нашего затянувшегося ученичества на чужеземных образцах близится к концу» [там же, с. 241].

Эмерсон и другие ожидали, что «Америка станет не только политической, но и культурной столицей мира» [там же, с. 242].

Даже великий скептик Герман Мелвилл признавал в 1850 г., что американцы «обязаны нести республиканскую прогрессивность не только в жизнь, но и в литературу» [там же, с. 243].

Действительно, в этот период появляются такие авторы, как Эдгар Аллан По, Эмили Дикинсон, Герман Мелвилл, появляются газета *New York Times* (1851) и журнал *Scientific American* (1845). Вместе с расцветом экономики происходит расцвет культуры.

Миф о Диком Западе

Существует распространенный миф о том, что на Диком Западе царили безгосударственность и, как следствие, насилие. Чтобы изобразить то, к чему ведет анархия, этатисты используют пример Дикого Запады как перманентного насилия. Когда в современной Америке проводят политику сокращения федеральных расходов на безопасность, всякий раз вспоминают Дикый Запад как аргумент против «неолиберализма».

Современные исследования показывают, что этот миф далек от реальности. На самом деле, как показал ДиЛоренцо [DiLorenzo 2010], насилия на Диком Западе было меньше, чем в современных США.

Имущественные права были защищены, и царил общественный порядок. Частные агентства обеспечивали необходимую основу для упорядоченного общества, в котором и имущество было защищено, и обеспечивалось разрешение конфликтов [Ibid., p. 228].

Что это были за частные охранные учреждения? Это не были правительства, потому что они не имели правовой монополии на поддержание порядка. Вместо этого они включали такие организации, как земельные клубы, ассоциации скотоводов, поселки старателей и караваны фургонов переселенцев [Ibid., p. 228].

Десятки фильмов изображают поселки старателей XIX в. на Диком Западе в виде очагов анархии и насилия. Но экономист Джон Умбек обнаружил, что начиная с 1848 г. старатели стали заключать контракты друг с другом, чтобы регулировать свое собственное поведение.

На то время в Калифорнии не было государственных органов, помимо нескольких военных гарнизонов. Контракты старателей устанавливали право собственности на землю (и любое золото, найденное на ней), и старатели сами обеспечивали реализацию этого права.

Те, кто не был согласен с правилами, принятыми большинством, могли добывать в другом месте или установить свои собственные договорные отношения с другими старателями. Принимаемые таким образом правила в результате зачастую устанавливались с единодушного согласия.

Покуда старатель соблюдал правила, другие старатели защищали его права в соответствии с договором. Если же он не соблюдал принятые им ранее правила, его заявка (на участок для разработки) становилась «открытой для любых претендентов» [Ibid., p. 228].

В таких поселках старателей нанимали «специалистов по обеспечению выполнения обязательств» — мировых судей и арбитров, а также разработали обширный свод норм имущественного и уголовного права. В результате насилие и кражи были редкостью. Тот факт, что старатели, как правило, были вооружены, также помогает объяснить относительную редкость преступлений [Ibid., p. 228–229].

Настоящая культура насилия на американском Западе во второй половине XIX в. была порождением политики правительства США в отношении индейцев Великих равнин. Утверждения популярного фольклора о постоянной войне европейских переселенцев с индейцами не соответствуют действительности. В конце концов, индейцы помогали колонистам-первопоселенцам и праздновали с ними первый День благодарения; Джон Смит женился на Покахонтас; Джон Росс,

белый человек (шотландского происхождения с примесью чероки), был вождем индейцев чероки штатов Теннесси и Северная Каролина; да и торговли с индейцами всегда было намного больше, чем насилия [Ibid., p. 229].

В целом европейцы признавали сохранение индейцами права владения на их земли. Что более важно, англичане понимали преимущества дружеских отношений с индейцами. Торговля с индейцами, особенно мехами, была выгодна. Войны стоили дорого. В первой половине XIX в. торговля и сотрудничество с индейцами были гораздо более распространены, чем конфликты и насилие [Ibid., p. 229].

Терри Андерсон и Фред МакЧесней рассказывают, как благодаря Томасу Джефферсону во времена его деятельности основным способом приобретения европейцами земли у индейцев были переговоры. К XX в. сумма выплат за приобретение индейских земель достигла 800 млн долл. [Ibid., p. 229].

Все изменилось, когда за дело взялся Авраам Линкольн.

Главным инженером субсидируемых государством трансконтинентальных железных дорог был Гренвилл Додж, генерал Линкольна времен войны, с которыми Уильям Шерман (1820–1891) позже тесно работал. Как указывает Ротбард, Додж «помог склонить делегацию Айовы на сторону Линкольна» на Национальном съезде Республиканской партии 1860 г., «за что в начале гражданской войны Линкольн назначил Доджа генералом армии. Задачей Доджа было очистить путь для первой в стране высокостационарной федеральной правительственной трансконтинентальной железной дороги “Юнион Пасифик” от индейцев». Таким образом, заключает Ротбард, «мобилизованные войска Союза и несчастные налогоплательщики были принуждены к обобществлению расходов на строительство и эксплуатацию “Юнион Пасифик”» [Ibid., p. 231].

Войсками Шермана и Шеридана было предпринято более тысячи нападений на индейские поселения — в основном зимой, когда семьи были вместе. Действия армии США соответствовали истребительной риторике ее лидеров. Шерман приказывал убивать всех и вся, включая собак, и сжечь все, что горит, чтобы увеличить вероятность гибели от голода и холода тех, кто каким-то образом уцелел. Солдаты также систематически истребляли бизонов, которые были для индейцев главным источником пищи, зимней одежды и других товаров (индейцы делали даже рыболовные крючки из высушенных костей бизонов и тетивы для луков из их сухожилий) [Ibid., p. 233].

В 1851 г. в Санти (штат Миннесота) индейцы сиу продали 24 млн акров земли правительству США за 1 410 000 долл. по типичной торговой схеме (в отличие от схемы «набег и захват») [Ibid., p. 234].

Федеральное правительство в очередной раз не сдержало взятых на себя обязательств, пытаясь изменить договоренность о размере оплаты индейцам. К тому времени, когда неурожай 1862 г. заставил индейцев сиу отчаянно нуждаться в еде, тысячи белых поселенцев уже переезжали на их земли. Индейцы попытались отобрать свои земли силой в скоротечной «войне», в которой президент Линкольн назначил командующим генерала Джона Поупа. Тот объявил: «Моя цель — полностью уничтожить сиу... Они должны рассматриваться как маньяки или дикие звери, а отнюдь не как люди, с которыми возможны договоры или компромиссы» [Ibid., p. 234].

Полковник Джон Чивингтон во время «резни у Сэнд-Крик» приказал: «Я хочу, чтобы вы убили и скальпировали всех, от мала до велика; из гнид вырастают вши». После чего, несмотря на реющий флаг США и белые флаги капитуляции этих мирных индейцев, войска Чивингтона «посвятили весь день утолению жажды крови, разнuzданному нанесению увечий, грабежу и разрушению... под присмотром и с одобрения Чивингтона». Было убито 163 индейца, из которых 110 были женщины и дети» [Ibid., p. 235].

Когда войска подошли к скво (женщины, жены), они выбежали и показали свои лица, чтобы дать понять солдатам, что они были скво, и молили о пощаде, но солдаты расстреляли их всех... Велось поголовное истребление мужчин, женщин и детей... Скво не оказывали сопротивления. Со всех их сняли скальпы [Ibid., p. 235].

Таким образом, насилие на Диком Западе было порождено правительством, именно оно принесло на земли индейцев насилие. Не «кольт — великий уравниватель» делал возможным сосуществование, а спонтанно возникшие институты торговли. Федеральное правительство разрушило коммерческие связи и создало систему особых интересов, объединяющих правительство и промышленников. Произошел своеобразный «захват регулятора». Если есть функции правительства, которые можно использовать в своих интересах, то лишь вопрос времени, когда появится тот, кто станет их использовать. Если можно совершать насилие в отношении коренного населения, то почему его нельзя совершать в отношении стигматизированных расистов-южан?

Причины Гражданской войны

В книге «Социальные истоки диктатуры и демократии» Баррингтон Мур пишет, что не было иного способа уйти от рабства, кроме насилия. Главный его аргумент в том, что рабство было эффективным [Мур 2016, с. 116–117]. Автор говорит об абсолютных цифрах и ничего не говорит о сравнительной эффективности. Очевидно, что рабовладельческие штаты были менее экономически эффективными, чем штаты, где труд был свободным. Тезис о большей эффективности свободного труда подтверждает не только экономическая теория, но и тот факт, что доля южных штатов в ВВП США сокращалась в период 1840–1860 гг. Реальные доходы северян увеличились с 135 % до 139 % по сравнению со средними по США, а у южан снизились с 76 % до 72 % [Peterson 1969, p. 192]. По всей видимости, конкуренция заставила бы южан самих отказаться от этого института.

Б. Мур выражает скепсис в отношении экономических интересов северян как причины Гражданской войны [Мур 2016, с. 122]. При этом он убежден, что от отмены рабства выиграли капиталисты Севера [там же, с. 143]. Он полагает, что отмена произошла по моральным причинам — то признавая, то не признавая экономические интересы северян [там же, с. 146–148]. В целом следует отметить, что книга морально устарела (она вышла в 1966 г., в период господства прогрессистской истории) и не учитывает исследования Б. Бейлина, М. Ротбарда и П. Джонсона. Чарльз Адамс в своем фундаментальном исследовании убедительно доказал, что Гражданская война была начата Линкольном именно из-за налогов, которые бы потеряло правительство Линкольна в случае выхода южных штатов из Союза [Адамс 2017].

Большая часть переселенцев не задерживалась на Востоке, они стремились на свободные западные земли. Сельское хозяйство играло ключевую роль в экономике США до Гражданской войны. Однако были отличия у северных и южных штатов. Северные штаты специализировались на зерне, мясной и молочной продукции. Все это производилось для внутреннего рынка. Здесь тон задавали фермеры, идеалом которых был свободный труд [Кавтарадзе 2005, с. 177].

В конце 1820-х гг. в мире американской политики наметились решительные перемены. Увеличилось количество штатов в составе страны: вместо 16 их стало 24 [Макинерни 2009, с. 165].

На Юге господствовало плантационное хозяйство. Треть населения составляли рабы (4 млн человек в 1860 г.). Южане были ориентированы

на внешние рынки, они продавали хлопок, табак и сахарный тростник. Хлопок был особенно важен для англичан после того, как в 1793 г. Уитни изобрел хлопчаточистительную машину [Кавтарадзе 2005, с. 178–179].

К 1860 г. сбор хлопка вырос в 700 раз, доля США на этом рынке составила 57 %.

Южане стремились к свободной торговле, в то время как северяне хотели защитить свою продукцию от конкуренции с английскими товарами, в которых нуждались южане. Экономические интересы южан и северян отразились в борьбе за освоение новых территорий. Северяне-фермеры желали, чтобы новые земли продавались по доступным ценам и небольшими участками, в то время как южане-плантаторы были заинтересованы в приобретении крупных участков для создания плантаций. Этот конфликт привел к созданию компромиссного Миссурийского соглашения 1820 г., установившего между двумя потоками, двигавшимися на запад, границу по 36-й параллели. Соглашение предусматривало также включение в состав США двух новых штатов, свободного и рабовладельческого, чтобы не нарушать баланс сил в федерации [там же, с. 179].

Отход от компромисса 1820 г. ухудшил отношения между штатами [там же, с. 179].

В злободневном вопросе о рабовладении Линкольн занимал весьма осторожную позицию, препятствуя распространению рабства на западные территории, но признавая его право на существование в южных штатах. Кроме того, Линкольн был относительным новичком на политической арене страны, не отягощенным никаким компрометирующим багажом [Макинерни 2009, с. 293].

4 мая 1861 г. Линкольн принес присягу и вступил в должность президента. В своей инаугурационной речи он выразил твердость и стремление к примирению. Прежде всего Линкольн подтвердил незаконность отделения южных штатов, затем поклялся защищать Союз и охранять федеральную собственность на Глубоком Юге. Президент еще раз заявил, что не допустит распространения рабовладения на западных территориях, но в то же время не станет покушаться на институт рабства в южных штатах, где тот уже существует. Линкольн выразил уверенность, что отъединившиеся штаты одумаются и вернутся в Союз. Ведь, как он выразился, «узы искренней дружбы» связывают американцев даже в периоды самых напряженных конфликтов. Замечательная речь. Однако не прошло и месяца, как эти узы, о которых говорил Линкольн, окончательно разорвались [там же, с. 298].

К 1850 г. рабовладельцев было меньше 350 тыс. [Мур 2016, с. 114], погибло же в Гражданской войне 750 тыс. человек. Вряд ли следует вос-

хищаться результатами Гражданской войны. Замечательно, что исчезло рабство, но за это пришлось заплатить высокую цену. Как написал Черчилль: «Три четверти миллиона человек пали на полях сражения. Север увяз в долгах, Юг разорился. Материальный прогресс оказался отброшенным на целый этап. Гений Америки был обеднен отчуждением множества исконных элементов жизни и истории республики» [Черчилль 2012, с. 288]. Доля государственных расходов в ВВП в период после Гражданской войны выросла в три раза [Engerman, Gallman 2000, p. 505].

Заключение: опасности минархизма

Интересы промышленности играли и играют огромную роль в истории США. Можно описать историю США как четыре промышленные революции: 1) освобождение американской промышленности от ограничений метрополии (Американская революция); 2) освобождение американской промышленности от института рабства и от нежелания южан строить трансконтинентальные железные дороги (Гражданская война 1861–1865 гг.); 3) освобождение американской промышленности от протекционизма эпохи мировых войн (завершение Второй мировой войны в 1945 г.); 4) освобождение американской промышленности от разделения мира на зоны торговли (победа в холодной войне в 1989–1991 гг.). Во всех четырех революциях Америка достигала своих целей. Следующая победа, видимо, будет связана с коллапсом авторитарных и милитаристских режимов.

Почему же произошла Американская революция? Три факта послужили ее причиной:

1. Успех Английской революции 1688 г. Революция показала, что в случае подавления прав и свобод граждан может быть организовано восстание, способное свергнуть предыдущую власть, причем сама революция окажется средством не разрушения, а созидания нации. Английская революция показала, что она приводит к выгодам для промышленности и торговли. Колонисты воспитывались на идеях Английской революции.

2. Популярность идей виггов в колониях. Полемика в период Американской революции показала, что идеи радикальных виггов и Томаса Пейна близки колонистам и что они крайне чувствительны к нарушению своих прав. Здесь особую роль сыграла пропаганда идей Пейна в период конфликта с Великобританией.

3. *Налоги стали поводом, а не причиной Американской революции.* Налогообложение в колониях было в четыре раза меньше, чем в Великобритании. Парламент пошел на отказ от всех пошлин, кроме пошлины на чай, которая была незначительной. Однако, почувствовав вкус свободы, колонисты осознали, что у них достаточно сил и ресурсов для отделения от метрополии.

Что послужило причиной Гражданской войны 1861–1865 гг.?

1. *Движение на Запад и образование новых штатов.* Южане быстрее образовывали новые штаты, так как по соглашению решение о рабстве должно было приниматься большинством. Это приводило к тому, что штаты с рабством увеличивались быстрее, чем без него. Северяне же быстрее развивали промышленность. Они были заинтересованы в том, чтобы остановить тенденцию появления новых штатов южан.

2. *Налоги и централизация власти.* Линкольн не скрывал, что отделение штатов его беспокоит в том числе из-за налогов. Южные штаты формировали значительную часть бюджета. Линкольн не хотел их терять. Кроме того, захват новых территорий способствовал усилению централизации, к чему стремятся все политики. Не стоит отрицать очевидный факт: Гражданская война во многом была следствием групп особых интересов, которые окружали Линкольна.

3. *Рабство.* Свободный труд — необходимое условие для развития капитализма. Северяне, следует не забывать, также не мгновенно отказывались от рабовладения. Отцы-основатели были рабовладельцами. Южане также несомненно отказались бы постепенно от рабства по чисто экономическим соображениям, но Линкольн предпочел развязать самую кровавую войну в истории США, нарушив принципы Конституции США. Нет никаких сомнений в том, что рабство — зло. Но убийство сотен тысяч людей — как минимум такое же зло.

Гражданская война была не неизбежна. Можно было выбрать иной путь, предоставив южанам право выйти из Союза. Экономические связи и прогресс привели бы к отмене рабства немного позже, но это произошло бы малой кровью и с сохранением принципов Конституции США. На практике победила идеология централизованного государства, а также политики, стремящиеся к тому, чтобы перераспределить налоговые поступления в свою пользу.

Доля государственных расходов в ВВП — 1–3 % до 1860 г. После Гражданской войны (в период до Первой мировой войны) — 5–8 % [Engerman, Gallman 2000, p. 505].

Отцы-основатели полагали, что идеал минархизма позволит им не допустить перерождения минимального государства в Государство-Левиафана. Они ошибались: если определенная группа людей обладает монополией на насилие, она будет использовать свои привилегии для того, чтобы расширять контроль, и станет медленно, но верно лишать людей все большего количества свобод. Уже в период между Американской революцией и Гражданской войной правительство развязывало войны, порождало инфляцию, занималось протекционизмом, ограничивало индивидуальные права (употребление алкоголя), формировало коррупционные схемы распределения земли и создало «бюджетную кормушку». Не зря в современных США набирают популярность идеи «Движения чаепития», призывающего к возрождению либертарианских принципов Американской революции индивидуализма.

Большое государство всегда порождает Большую войну.

Интеллектуалам, стремящимся защитит от этого общество, не следует оправдывать даже небольшого Левиафана, ведь его маленький размер — лишь временная проблема для групп особых интересов.

Неприятие государственного вмешательства в любом его виде — это хорошее противоядие для каждого свободного общества.

В 1862 г. Авраам Линкольн встретился с Гарриет Бичер-Стоу, автором «Хижины дяди Тома», и во время фотографирования сказал ей: «Так вот, оказывается, та самая маленькая женщина, ставшая причиной этой большой войны» [Johnson 1998, p. 419].

Линкольн не посчитал возможным увидеть причину в высоком человеке, который был на этом снимке.

Литература

Адамс Ч. Влияние налогов на становление цивилизации. М.: Либеральная миссия, 2017.

Американские федералисты. Benson: Gessen Book, 1990.

Бейлин Б. Идеологические истоки Американской революции. М.: Новое издательство, 2010.

Волков В. Государство, или Цена порядка. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018.

Голдберг Д. Либеральный фашизм. М.: РидГрупп, 2012.

Джефферсон Т. Свет и свобода: размышления о стремлении к счастью. СПб.: Союз писателей Петербурга, 2015.

Дюпон де Немур. О происхождении новой науки. Физиократы. М.: Эксмо, 2008.

Ефимов И. Джефферсон. М.: Молодая гвардия, 2015.

- История США. Т. 1 (1607–1877). М.: Наука, 1983.
- Кавтарадзе Г.* История экономического развития Запада. М.: Энигма, 2005.
- Макинерни Д.* США: история страны. М.: Эксмо, 2009.
- Малиа М.* Локомотивы истории: революции и становление современного мира. М.: Политическая энциклопедия, 2015.
- Миддлкауф Р.* Славное дело: Американская революция 1763–1789. Екатеринбург: Гонзо, 2015.
- Мижусев П.* Великий раскол англо-саксонской расы: американская революция. М.: ЛЕНАНД, 2015.
- Мизес Л.* Либерализм. М.: Социум, 2014.
- Мур Б.* Социальные истоки диктатуры и демократии. М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2016.
- Мэддисон А.* Контуры мировой экономики. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012.
- Палант Б.* Билль о правах. М.: Мысль, 2019.
- Паррингтон В.* Основные течения американской мысли. Т. I. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962.
- Ротбард М.* История денежного обращения и банковского дела США. М.; Челябинск: Социум, 2016.
- Токвиль А.* Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1994.
- Травин Д.* Модернизация: от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара. М.: АСТ, 2011.
- Уэрта де Сото.* Деньги, банковский кредит и экономические циклы. Челябинск: Социум, 2008.
- Хайек Ф.* Конституция свободы. М.: Новое издательство, 2018.
- Черчилль У.* История англоязычных народов. Т. 3. Екатеринбург: Гонзо, 2012.
- DiLorenzo T.* The Culture of Violence in the American West. Myth versus Reality // The Independent Review. 2010. Vol. 15. N 2. P. 227–239.
- Dorfman J.* Economic Mind in American Civilization. Vol. I. N. Y.: Augustus M. Kelley, 1949.
- Engerman S., Gallman R.* The Cambridge Economic History of the United States. Vol. II. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Johnson P.* History of the American People. N. Y.: HarperCollins, 1998.
- Knott S.* Alexander Hamilton & The Persistence of Myth. Lawrence: University Press of Kansas, 2002.
- Laughlin L.* The History of Bimetallism in the United States. N. Y.: D. Appleton, 1901.
- Peterson J.* Economic Development of the United States. Homewood, Illinois: Richard D. Irving Inc., 1969.
- Rothbard M.* Conceived in Liberty. Vol. 4. Revolutionary War, 1775–1784. N. Y.: Arlington House, 1979.
- Syrett G.* The Papers of Alexander Hamilton. Vol. X (1791–1792). N. Y.: University of Columbia Press, 1966.
- Wright R.* The Wealth of Nations Rediscovered. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Павел Усанов

**Американская революция: первые шаги
модернизации США (1775–1861)**

Препринт М-70/19

В авторской редакции
Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург,
ул. Гагаринская, 6/1
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 13.03.19.

Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.



**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Книги, подготовленные сотрудниками М-Центра:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**,
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О.Л., ред. **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**. СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред. **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Gel'man V., Marganiya O., eds. **RESOURCE CURSE AND POST-SOVIET EURASIA:
OIL, GAS, AND MODERNIZATION**. Lanham, MD: Lexington Books, 2010.

Травин Д. **ОЧЕРКИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ. КНИГА ПЕРВАЯ: 1985–1999**.
СПб.: Норма, 2010.

Гельман В., Маргания О., ред. **ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ: ТРАЕКТОРИИ, РАЗВИЛКИ, ТУПИКИ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

Травин Д., Маргания О. **МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОТ ЕЛИЗАВЕТЫ ТЮДОР ДО ЕГОРА ГАЙДАРА**.
М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2011.

Гельман В. **ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ. РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ СССР**.
СПб.: БХВ-Петербург, 2013.

Добронравин Н. **МОДЕРНИЗАЦИЯ НА ОБОЧИНЕ: ВЫЖИВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ В XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**. СПб.: Издательство Европейского
университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Стародубцев А. **ПЛАТИТЬ НЕЛЬЗЯ ПРОИГРЫВАТЬ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И
ФЕДЕРАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**. СПб.: Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге, 2014.

Заостровцев А. **О РАЗВИТИИ И ОТСТАЛОСТИ: КАК ЭКОНОМИСТЫ ОБЪЯСНЯЮТ
ИСТОРИЮ**. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014.

Gel'man V., Travin D. & Marganiya O. **REEXAMINING ECONOMIC AND POLITICAL REFORMS
IN RUSSIA, 1985–2000: GENERATIONS, IDEAS, AND CHANGES**.
Lanham, MD: Lexington Books, 2014.

Gel'man V. **AUTHORITARIAN RUSSIA: ANALYZING POST-SOVIET REGIME CHANGES**. Pittsburgh:
University of Pittsburgh Press, 2015.

Травин Д. **КРУТЫЕ ГОРКИ XXI ВЕКА: ПОСТМОДЕРНИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ РОССИИ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

Тарасенко А. **НЕКОММЕРЧЕСКИЙ СЕКТОР В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА
И РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВА БЛАГОСОСТОЯНИЯ**.
СПб.: НОРМА, 2015.

Травин Д. **ПРОСУЩЕСТВУЕТ ЛИ ПУТИНСКАЯ СИСТЕМА ДО 2042 ГОДА?** СПб.: НОРМА, 2016.

Травин Д., Гельман В., Заостровцев А. **РОССИЙСКИЙ ПУТЬ: ИДЕИ, ИНТЕРЕСЫ, ИНСТИТУТЫ,
ИЛЛЮЗИИ**. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.

Травин Д. **«ОСОБЫЙ ПУТЬ РОССИИ»: ОТ ДОСТОЕВСКОГО ДО КОНЧАЛОВСКОГО**. СПб.:
Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018.